

Маняша Титова

ЛЮБОВЬ = ИСКУССТВО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маняша Титова

Любовь = Искусство

«Автор»

2026

Титова М.

Любовь = Искусство / М. Титова — «Автор», 2026

В искусстве, как и в любви, не стоит использовать чужие рецепты и шаблоны. Бин и Лин, два человека, съедаемые червями прошлого, пытаются следовать такой простой формуле, но получится ли у них что-то?

© Титова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От идеи к эскизу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маняша Титова

Любовь = Искусство

От идеи к эскизу

Бин не думал, что она может быть жестокой.

-Можешь, - начала девушка тихо, почти шепотом, - сказать мне как эксперт в этом вопросе.

Её щеки покрылись стыдливым румянцем. Не таким, как обычно, пятнистым и детским, а более... женским. Изящным движением ладони она дотронулась до половиц шелкового халата и ткань медленно поползла вниз по мягким плечикам. Бин вжался в кресло так, будто это последнее безопасное место на земле, способное его спасти. Кожаная отделка ручек кресла просила пощады жалобным скрипом. Потерпи мебель, я сам хочу другого, подумал Бин, представляя, какой податливой будет кожа девушки, как мягко погрузятся пальцы в её бедра.

-Я, - продолжала она, ещё больше смущаясь, - сексуальна?

Халат упал на ковер вместе с сердцем Бина. Красное кружевное белье подчеркивало округлые линии аккуратной груди, талии, бедер, пояс для чулок спускался к небольшому животу, увлекая взгляд дальше. И ниже. Орнамент кружева лишь символически прикрывал её тело. Не предмет одежды – оружие массового поражения. По крайней мере, оружие, которое точно убьет Бина, если он продолжит так пялиться.

Жестокая. Невероятно жестокая женщина. Знает, что он не может прикоснуться, а так откровенно провоцирует. Он не имеет права. Только не с ней.

В комнате резко закончился весь кислород. Бин шумно сглотнул. Его решительности хватило лишь на то, чтобы достать из-за спины подушку и положить её себе на бедра.

-Я так и знала!

Два месяца до этого

Лин спешила на работу. Близится открытие долгожданной для неё выставки и сейчас опаздывать совсем не к стати. Вообще она не любит опаздывать, ведь это влияет на имидж, все-таки она в будущем намерена стать куратором, а не секретарем на побегушках. Куратор не должен позволять себе опаздывать. Эти мысли вгоняли её в большее уныние. Она уговаривала себя не обижаться на Майкла из-за того, что он не смог подбросить её до работы, как обещал, но выходило плохо. Он мог бы предупредить заранее.

Из-за того, что она поздно вышла, Лин не успела как следует собрать волосы в пучок, застегивать блузку пришлось по дороге – кто бы знал, что вдевать пуговицы на воротнике одной рукой невероятно сложно. Бежать в юбке карандаш, закрывающей ноги по щиколотку, тоже испытание не из приятных не только для неё, но и для заднего шва, что при резких шагах начинал трещать, увеличивая разрез. Подбегая к ступеням галереи Лин поняла, что ещё и вспотела. А ведь сегодня даже не понедельник... Напряжение возрастает особенно сильно, когда она видит своего временного босса, официального куратора выставки.

-Опять опаздываешь, - крикнул Мин Сок, срывая голос на высоких тонах. Его красная кофта с большими голубыми кругами, обшитыми дешевой бахромой, кинулась на Лин, как растерзанный хищником зверь с криками «Помогите». Мужчина исходил слюной от злости. – Где тебя носит? Я уже полчаса бьюсь над светом, эти дебилы не могут начать устанавливать скульптуры, телефон разрывается от звонков! Как ты смеешь вообще опаздывать!

-Прошу прощения, Господин Мин, - в низком поклоне сказала Лин.

Она не выпрямлялась до тех пор, пока истеричный начальник с охами и причитаниями не вошел в главный холл Хана Арт Гэлэри. Куратору вроде больше сорока, но к его возрасту не прилагалась ни мудрость, ни ум, ни проницательность. Работая с ним девушка удивлялась, как ему удалось организовать прошлые пять выставок. Впрочем, теперь она догадывалась как. Когда сам – выставки получались пусть и громкими, но без смысла и таланта. Пустой звуковой хаос. Лин успокаивалась от мысли, что смыслит в этом больше, чем уважаемый Мин Мин Сок, но с другой стороны именно на её плечи упал основной груз предстоящей премьеры. Сверху падала и тяжесть непомерного эго несдержанного и инфантильного куратора.

-Нет! – кричал Мин Сок. – Нет! Нет! Нет! Сюда нельзя ставить эту скульптуру! Вы же портите всю гармонию, посмотрите на её размер. Здесь она звучит ужасно! Надо поставить так, чтобы она выглядела красиво, а не вот так!

Лин вздохнула. Ребята, что таскали тяжелые скульптуры из одного угла в другой, с надеждой смотрели на неё. Мин Сок уже скрылся в другом зале, откуда тут же донеслись его недовольные возгласы.

-Ставьте вот здесь, свет приглушенный, лампочки с холодным светом, угол определим чуть позже, когда композиция станет яснее.

-Есть, - рапортовали парни и с облегчением на лицах наконец смогли поставить скульптуру на постамент.

Лин весь день провела на телефоне, договариваясь о встречах с художниками, скульпторами, дизайнерами интерьеров, сумок, аксессуаров, а также прессой. Продумывала логистику для доставки некоторых особенно культовых работ. Иной раз даже ладони потели от того, с какими персоналиями она смогла договориться и какие произведения искусства будут выставляться на их выставке. И конечно, весь день нужно было как-то снижать градус давления Мин Сока на остальных сотрудников выставки.

Под конец дня она была не просто вымотана, а выжита как апельсин для свежего сока. Стоило себя так убивать? Конечно, стоило. Выставка должна пройти на высшем уровне. Даже Господин Мин был доволен. Впрочем, он наверняка был доволен только собой.

Уже вечером, сидя в своем временном кабинете, Лин позвонила Майклу. Он ответил не сразу.

-Привет, дорогой, - сказала она, когда гудки сменились белым шумом. – Слушай, можешь меня забрать с работы? Сегодня был тяжелый день. Да и увидеться хотелось бы... Может поужинаем вместе?

После нескольких минут тишины, Майкл вздохнул и ответил:

-Знаешь, я бы и хотел встретиться, поужинать, но сегодня не получится.

-Почему? Я знаю, что ты занятой, что у таких айти-компаний, как твоя, много работы, но хотя бы на пару часов. У меня так болят ноги от этих шпилек.

Майкл ещё раз вздохнул. Опять замолчал, обдумывая услышанное. Лин уловила в этом молчании свою вину, но её парень произнес:

-Ладно, я могу тебя забрать. Только если ты не против, что с нами будет мой брат.

Первое, что сделал Бин выйдя за ворота – вдохнул полной грудью воздух свободы.

-Поздравляем с освобождением, Господин Хван, - поздоровались с ним охранники, стоявшие у черного мерседеса.

-Взаимно, ребята, - задорно крикнул Бин, подскочив к ним, чтобы по-братски обняться, потрепать за головы, в шутку побоксировать. Радостная встреча соскучившихся друг по другу людей – то, что ворота тюрьмы и сами тюремщики несмотря ни на что рады видеть. В мире обмана и преступлений простая искренность ценится.

-Надеемся больше вас не увидать в наших стенах, - проговорил охранник тюрьмы, передавая Бину телефон и ролексы.

-Это ты так желаешь быть осмотрительнее и не попадаться? – подмигнул Бин.

-Безопасной дороги, - сказал охранник, пытаясь скрыть улыбку.

-Ну поехали, - сказал Бин, хлопнув в ладоши. – Не терпится уже поехать в бар, отметить это дело. Ещё я так соскучился по женским сиськам, аж в штанах зудит.

Обернувшись к машине, он только сейчас заметил стоящего в стороне человека в клетчатой рубашке, заправленной в мешковатые брюки цвета хаки.

– А ты что здесь забыл?

-И тебе привет, брат, - произнес Мун, убирая телефон. – Давно не виделись.

-Ага, - отрезал Бин. – Раз пришел, то где мой тофу¹?

-Что?

-Вот ты всегда так, Мун. Вообще не в теме дел семейных, - с театральным недовольством отметил Бин.

Младшему брату он завидовал. Его обошла стороной доля семейного бизнеса, груз ответственности и судьба рода. Этот малец свободен и ему позволили выбрать себя самому. Игрушки ему покупали отдельно, какие ему нравятся, а не пистолеты и машинки; одежду он выбирал сам, хотя это скорее минус, он так и не научился носить стильную одежду или причесываться не как первоклассник; школа элитная, еда сладкая, хоть это тоже минус, он так и не похудел. Спортом его не заставляли заниматься в отличие от Бина. Тут стоит признать, что благодаря спорту старший получил подтянутое тело, которое как магнит привлекает девушек.

А ещё... его мама жива.

-Не зови меня Мун, - надул губки братик.

-А как? Майкл? Как тебя мать приучила? В нашей семье принято носить корейские имена.

-Тебя, как помниться, мама звала Крисом.

Бин не нашел, что ответить. Какая-то мелкая мышца в шее зажалась, пришлось её промассировать.

-Чего ты пришел?

-Встретить тебя из тюрьмы.

-Куда помог меня посадить? – подмигнул Бин. За этот инцидент он не был в обиде на брата, таков бизнес, кто знал, что именно его компании назначат проверять махинации старшего брата. По всем статьям Бин виновен.

-Нет! – рассержено крикнул Майкл. – Отец попросил. Сказал, чтобы мы уже наконец подружились.

Накал напряжения немного упал. Охранники смотрели на это со стороны и переглядывались. Господин Хван, отец Бина и Муна, давно пытается ввести младшего сына в общий бизнес или хотя бы покрыть эту ворону черной краской, чтобы он перестал быть бельмом на глазу. Сделать это можно только с помощью старшего сына. Опять Бину за все отдуваться.

-Ладно, принцесса, - мягко проговорил Бин, устав подкалывать младшего. – Отвези меня домой на своей карете.

-Эм, даа, - протянул Майкл с неуверенностью.

-Нооо, - протянул Бин, подсказывая брату продолжение.

-Но сначала нужно встретиться с моей девушкой.

-С твоей кем?

Увидев Бина издалека, когда он вместе с Майклом вышел из машины и пошел по направлению к ней, Лин словила паршивое дежавю. Такой тип ей противен. Брюки в обтяжку, чер-

¹ В Корее человека, только вышедшего из тюрьмы, принято кормить тофу. Символически это объясняется тем, что тофу имеет белый цвет и олицетворяет новую, «чистую» жизнь без преступлений.

ные футболки, открывающие подкаченные мышцы, модная прическа, часы, кожаные ботинки и неизменный атрибут – самовлюбленность. Только такие парни выходят из машины и смотрят в зеркало заднего вида, чтобы кончить от одного своего вида. Бесит. Сто процентов вместе с остальным багажом в придачу с ним едут пошлые шутки и дешевые подкаты. Типичный «плохой парень». Лин чуяла таких за километр. Не только благодаря тому, что они выливают на себя тонну духов.

-Это какой-то новый вид эскорта? Что я пропустил, пока сидел? – проговорил Бин, предварительно присвистнув и оглядев Лин с ног до головы. – С ней можно играть в босса и секретаршу. Наконец-то ты стал одним из нас.

Майкл подошел к Лин, чтобы поцеловать её в щеку, она ответила тем же. После своего звонка, она перебирала в голове каждую строчку, чтобы понять, где могла его обидеть или задеть, ведь он такой ранимый. По телефону голос казался раздраженным, но сейчас она поняла, что все в порядке. Только в присутствии брата он постеснялся взять её за руку.

-Она не проститутка, - сказал Майкл, гордо подняв голову, стараясь посмотреть на брата сверху вниз. Бин лишь усмехнулся.

-Сколько ты ей заплатил, чтобы она притворилась твоей девушкой?

Лин не выдержала этой наглой манеры общения. Она вскипела и вывалила сурово:

-Может это ты платишь шалавам, чтобы они тебя ублажали, потому что по-другому просто не дают, а Майкл нормальный парень, у которого есть настоящая девушка!

-Лин, не кипятись, - попытался успокоить Майкл.

-Да, Лин, - вторил ему старший брат. – Не кипятись, я пошутил. Удивлен, что Мун завел подружку, только и всего.

С его лица не сходила хитрая ухмылка.

Знакомство явно не задалось. Лин не могла утихомирить бурлящий у неё внутри котел ненависти. Её смогла охладить мысль, что этот парень все же часть семьи Майкла. Часто бывает так, что когда семья против, отношения в паре разваливаются сами собой. Все же это старший брат, по рассказам Майкла он имеет в семье большой вес, а вдруг он настроит семейство Хван против неё. Терять из-за этого хорошего парня, которого днем с огнем не сыщешь – большая неудача, пропорциональная той удаче, что посетила Лин на выставке скульптур Стивена Родрига². Как точно говорят: «Искусство объединяет». Произведения искусства из микросхем приманили к себе учтивого молодого человека, с которым приятно общаться. Может быть он не совсем в её вкусе, но он точно надежный и честный.

Чтобы не усугублять ситуацию, Лин решила зарыть топор войны, который невольно сама подняла на человека, портившего её планы на спокойный вечер в компании её бойфренда.

-Ладно, мы не с того начали, - проговорила девушка, стараясь звучать как можно спокойнее, хоть сердце и не унималось, стуча от злости. – Меня зовут О Лин А, но коротко Л...

-Подожди, детка, - перебил её Бин, направив взгляд куда-то позади неё, будто она не живой человек, а стена. – Вы тут пока поговорите, а я быстро. У нас же есть пять минут?

Не дождавшись ответа, парень направился к кофейне, оттуда доносились звуки оживленной болтовни: за кофе подошла группа молодых девушек, весело щебечущих на каком-то своем языке.

-Это точно твой брат? – с надеждой на отрицательный ответ спросила Лин, взяв Майкла за руку. Человеческого тепла, капельки мягкости за день ей очень не хватало. Другой рукой она поправила воротник его рубашки. – Вы совершенно разные.

Майкл пожал плечами. По его взгляду, немного отстраненному, Лин поняла, что он устал, и не только из-за работы, но и из-за брата. Он только мимоходом рассказывал о своей семье, девушка почти ничего не знала, кроме того, что она есть. Про брата он говорил ещё меньше.

² Стивен Родриг – художник-энтузиаст, создающий скульптуры из отработанных печатных плат.

Только каждый раз, когда ему нужно было упомянуть брата, его лицо искажалось так, будто он ел кислую конфету. Теперь понятно почему.

Со стороны кофейни послышался громкий женский смех. Бин о чем-то рассказывал, активно жестикулируя и постоянно поправляя кудрявые волосы. Девушки смущенно смотрели то на парня, то друг на друга. Глупые. Вот даже сейчас видно их будущее: он трахнет их по отдельности или вместе, а на следующий день забудет, как звали, они же будут томно вздыхать по нему, представляя жизнь полную страсти, любви, приключений. Или и того хуже, он пообещает им жизнь, полную страсти, любви и приключений, а на следующий день забудет, как звали. А может позвонит через время, как ни в чем не бывало, и захочет снова провести ночь вместе, а ты как дурочка попрыгнешь к нему через весь город под дождем, лишь бы он снова пообещал тебе небо в алмазах.

Лин фыркнула и отвернулась.

-Не так я представляла знакомство с твоей семьей, - сказала она с попыткой улыбнуться. Кажется, Майклу это помогло немного расслабиться.

-А как представляла? - с воодушевлением спросил он.

-Что-то вроде ужина за большим столом, может в ресторане или дома. Мы не так долго встречаемся, всего пару месяцев, но...

-Звучит хорошо, - почти крикнул Майкл. Он взял Лин за обе руки, кивнул собственным мыслям и обнял её. Девушка вскрикнула от неожиданности, особенно тогда, когда парень приподнял её от земли, радостный смех глупо скрывать. Пусть все слышат, как они счастливы и как понимают друг друга.

-Тогда может в субботу? Отец как раз вернется из поездки, мы сможем вместе поужинать.

-Замечательно, - отозвалась Лин.

Её руки все ещё лежали на плечах Майкла, девушка чувствовала жар от чужого тела. Впервые они так стоят и это доставляло удовольствие. В паре многое бывает впервые и они не слишком торопились испробовать все грани тактильности. Начинать ненавязчиво. Сначала невольные мимолетные прикосновения рук, потом переплетения пальцев, столкновения плеча с плечом. Лин поправляла его челку. Конечно, ей нужно было больше, но ради Майкла она запаслась терпением. Он сам признался, что немного не уверен в себе. Такая откровенность в совокупности с мягкостью и стеснительностью, делали его умильным.

-Так, голубки, - громко крикнул Бин. – Поехали. Я поведу, а вы можете ворковать на заднем сиденье. Только без секса там, а то я захочу присоединиться.

Напоследок парень помахал рукой новым знакомым, те помахали в ответ, показывая знак «Позвони мне».

-Непременно, крошки, - заверил их Бин. Майкл отдал ему ключи.

Тройка направилась к машине.

-Ты что, ещё и дверь своей девушке не откроешь? - спросил Бин, когда позади него Майкл открыл свою пассажирскую дверь, а Лин подходила к двери с другой стороны.

-Она и сама может, - отозвался младший брат и сел в машину.

Лин посмотрела на Бина. Его лицо выражало недовольство поступком брата. Парень ощутил направленный на него взгляд и в ответ посмотрел на Лин. Она демонстративно отвернулась.

-Да. Я и сама могу.

Не было сомнений, что она – девушка самостоятельная. Всегда была и остается. На учебу поступила сама, без связей. В школе делала домашнюю работу сама. В детском саду завязывала шнурки сама. Нет никаких проблем, чтобы просто открыть дверь, сесть и закрыть её. Пусть на девушке надета неудобная юбка, стесняющая движения, пусть дверь её немного стукнула, когда Лин садилась, чувство силы и превосходства над мнением наглеца должно нивелировать все неудобства. Однако сев в машину, и на самом деле пережив несколько мгновений удовольствия

от осознания своей независимости, все же в районе сердца что-то неуютно скреблось, будто щенок, которому хотелось, чтобы его забрали с улицы в дом, покормили и погладили.

Этот дерзкий пошляк все портит только своим присутствием, подумала Лин, придвинулась поближе к Майклу и положила голову ему на плечо. Потом совсем осмелев, она обвила своей рукой его руку, соединив их ладони. День выдался нелегким и она так нуждалась в отдушины, в теплом прикосновении. В надежном плече. Благо Майкл понял её потребность и старался не мешать ей отдыхать, печатал в телефоне так, чтобы ни одно движение не тревожило уставшую девушку. Звуки клавиатуры убаюкивали и Лин начала засыпать.

Лин долго выбирала платье: все, что висело у неё в гардеробе, подходило либо под коктейльный вечер на закрытой вечеринке деятелей искусств, где собирается бомонд, либо под обычный день в офисе. Ничего среднего на вешалках не висело. Возможно, оно таилось в той коробке, которую она не вскрывала после переезда уже несколько лет. Тогда она ещё умела выбирать не слишком скромные, но и не слишком откровенные платья на свидания. Заглядывать туда все равно желания не нашлось. А вот желания произвести приятное впечатление на родителей Майкла имелось в избытке, что даже руки немного тряслись от волнения.

Майкл заехал за ней, опоздав на пару минут. При встрече он рассеяно обнял её.

-Как тебе мой наряд, - спросила Лин. Платье в горошек она заказала в интернет-магазине, в котором была быстрая доставка. Приятная волна круглого выреза на груди, приемлемая длина, открывающая щиколотки, легкий материал, летний и беззаботный. Нежно-розовый цвет подчеркнет её чистые помыслы, а убранные в пучок черные волосы покажут её покладистость и утонченность. Макияжа она нанесла совсем немного: подкрасила ресницы и нарисовала стрелки, чтобы коричневые глаза смотрелись больше.

-А, что? – отозвался Майкл. Для него это тоже большой стресс. – Да, очень неплохо.

Лин, воодушевившись, запрыгнула в машину.

-Мы сейчас живем в маленьком доме, - посетовал парень, выруливая на шоссе. – Пока на главный дом наложен арест.

-Ничего, в тесноте можно быть ближе друг к другу, - успокаивающе проговорила девушка. – Мне интересно посмотреть, как живет твоя семья.

Лин представила себе, что семья Хван живет в небольшом одноэтажном домике на самой окраине города, где много деревьев. Возможно, что этот домик на возвышенности и где-то совсем недалеко есть могильные камни целых родов, украшенные крышами в виде пагоды. Возможно рядом кто-то выращивает лук. Почти деревня, медленно погружающаяся в волну города. Там полно зелени и спокойствия. Лин не понимала, почему Майкл стесняется показать ей дом. Ему не нужно производить на неё никакого впечатления, пытаться как-то приукрасить свою жизнь. Лин важно какой он человек, а не какой у него дом или машина. Только она не знала, как рассказать ему об этом, чтобы он смог успокоиться.

-Так волнительно, - сказала Лин, после нескольких минут молчания. Мимо окна проносились виды удаляющегося Сеула с его высотными домами, стоящими вплотную друг к другу. Они выехали на мост над рекой Хан, солнце играло с маленькими волнами, отбрасывая блики. Несмотря на выходной день, машин было не много и они свободно ехали вперед, без всяких преград.

-Угу, - ответил Майкл. Его телефон завибрировал, парень мельком на него взглянул.

-Пожалуй, я так перед открытием выставки не волнуюсь, - сказала Лин, рассмеявшись громче, чем планировала. Снять напряжение, повисшее в воздухе, не получилось. – В прошлый раз, когда открывали работы Ли Буль³, помнишь я тебе рассказывала, у неё тематика близка

³ Ли Буль – художница-скульптор, инсталлятор и перформансистка. Её работы говорят о феминизме, постгуманизме, преодолении ограничений, проблеме совершенствования.

к нашей готовящейся выставке, можно сказать, сейчас будет её органичное продолжение, но не совсем, все же мы больше углубляемся в эту тему. О чем это я? Да, даже тогда не было так волнительно.

-Ммм, - промычал парень, разворачивая руль. Машина выехала с основного шоссе, на дорогу, уводящую в сторону леса.

-Мне нужно к чему-то быть готовой? – попыталась узнать Лин.

Ей ещё не доводилось знакомиться с родителями парня, только знакомить со своими родителями, что в тот раз закончилось провалом, хотя за это она теперь благодарна. Мама до сих вспоминает ту встречу, ради которой они с папой приехали из Китая, с содроганием и со слезами уговаривая её больше не встречаться с такими... «типАми». Примерный расклад девушка понимала: знакомство с семьей сродни допросу. Выясняется твоя подноготная и компетентный орган оценивает твое соответствие идеальному представлению о том, как должна выглядеть подруга, партнер, будущая жена, помощница в продолжении рода. Может и фонарь на лицо направят и на детектор лжи посадят, все зависит от семьи. Боялась она вопроса о серьезности намерений в отношении Майкла. Думая об этом она уже покрывалась потом, что даже легкий ветерок на улице или в комнате от кондиционера вызывал мурашки, от чего она неприятно содрогалась всем телом. Не то, чтобы она не хотела создавать семью, но все же карьере ей нужно сделать быстрее. В сфере современного искусства доминируют молодые и энергичные люди, возрастом надо пользоваться.

-Будет только отец, - с сожалением отметил Майкл.

Машина ехала через лес, солнечный свет иногда пробивался сквозь листву и проникал внутрь салона, но он будто специально избегал лица Майкла: после своего сообщения он не только умолк, но и сделался серого цвета. Все вокруг покрасили в яркие цвета и только его – забыли.

Наконец они подъехали к массивному кованому забору, рядом с которым находился маленький домик, похожий на пост охраны на частной территории какого-нибудь курортного заведения.

-Добро пожаловать домой, Господин Хван, - проговорил динамик на воротах и они распахнулись, заманивая внутрь. Завидев ворота издалека, Лин открыла рот от удивления, ведь такой искусной работы по железу не найти в Корее, разве что в Англии в поместье у барона или графа. Изящные вензеля, тройные лилии, розетки, позолота. Машина слишком быстро проехала мимо, а Лин чуть не свернула шею, чтобы успеть рассмотреть это произведение искусства.

Дорога уходила на пригорок, немного петляя, и вышла через густой лес к большому открытому пространству с удивительным двухэтажным домом в ультрасовременном стиле хай-тек из симбиоза дерева, серого металла и стекла, с гармоничным ландшафтным дизайном, вписывающим дом в растительность так, будто он сам вырос здесь, а не был построен. Простая кубическая форма, приятные глазу прямые линии. Минимализм. Окна от пола до потолка. Как коттеджный домик Илона Маска. Как раз подходит для человека, занятого в сфере высоких технологий. На первом этаже есть вход в гараж, на втором этаже над гаражом расположилась просторная терраса, откуда, надо представить, открывался замечательный вид на окружающую местность. На фоне дома и внушительной входной двери стоял крупный мужчина. Светлая древесина оттеняла тон его загорелой кожи и подчеркивала черноту образа. Его взгляд прожигал машину насквозь.

Подъезжая к дому, Майкл занервничал больше прежнего. Лоб покрылся испариной несмотря на отлично работающий кондиционер, а руки мелко дрожали. Когда он остановил машину и начал отстегивать ремень безопасности, тяжело выдохнув, Лин поймала его руку, погладила, сжала в своих ладонях.

-Все будет хорошо, не переживай, - сказала она. Майкл слегка улыбнулся и кивнул.

То, что она произнесла, уверенность, которую вложила в эту строчку, ощущения, которые хотела получить в ближайшем будущем от всего происходящего – все это хотелось, чтобы внушили и ей тоже. Услышать бы простую фразу «Ты обязательно понравишься, тебе не нужно ничего для этого делать особенного», чтобы мозг перестал судорожно придумывать другую личность для Лин, более успешную и привлекательную. Чтобы ей не пришлось следовать этому плану. Ложь всегда чувствуется.

Увидев суровый взгляд Господина Хвана, девушка ощутила новую волну беспокойства. Бывает такой мужской взгляд, который точно чувствуется, как рентген. Чаще всего под таким понимаешь, что он смотрит только на белье или определенные участки тела. Вроде бы хищник смотрит на жертву, а вроде он сам хочет в некотором роде стать жертвой. Но тут все совершенно иначе. Этот орлиный взгляд не интересовало то, что у девушки под юбкой, а вот что в душе, в голове и в мыслях – он хотел почитать. Постучать по ореху клювом и понять – гнилой или нет. Лин шла к дому как под дулом пистолета.

Что ей было скрывать?

-Привет, пап, - сказал Майкла, пытаясь за веселостью скрыть оголенные нервы. – Это Лин, я тебе о ней говорил.

-Здравствуйте, Господин Хван, - проговорила Лин неуверенно, будто сомневалась, точно ли запомнила его фамилию. Сейчас ей даже собственный голос казался чужим. Обманывающим.

Господин Хван ничего не ответил, а только указал головой на дверь, приглашая войти внутрь. В закатном свете солнца его лицо покрылось мрачными тенями. На территории рядом с домом начали постепенно включаться светильники.

Так, в начальной школе она не могла называться пай-девочкой. Находиться в одной клетке целыми днями – сродни физической смерти, что придет вслед за насильственным хранением своего творческого буйства в одной черепной коробке. Она разрисовывала стены в женском туалете маминой помадой, которую украла утром. Вот, кража и вандализм. Но как же великолепно смотрелся контур целующейся пары на зеркале. Оценки по литературе и корейскому языку выходили плохими и очень плохими, потому что Лин все придумывала новые слова. Благо она никого не била и не обзывала, этот грех к ней не прилепился. Она могла стать объектом насмешек, но благодаря гибкому уму, обходящему прямые и порой глупые заявления местных для школы элит, она могла скидывать с себя их внимание. Что ещё? Что же ещё он может узнать?

О бывшем...

Лин неудачно проехала ножом по тарелке, скрежет резанул по барабанной перепонке. Она вскинула голову, чтобы посмотреть на Майкла. Он не отрывался от своей тарелки, по маленьким кусочкам отрезая и тщательно прожевывая говядину. Господин Хван только изредка смотрел в тарелку, будто точно зная, что мясо само будет наткаться ему на вилку, а горох сам будет прыгать ему в рот. Остальное время он смотрел на Лин. Девушка представила, что у неё на лице что-то лишнее, может в зубах что-то застряло и Господин Хван считает это неуместным.

-Вы очень прилично выглядите, - вдруг проговорил отец Майкла. Его приятный голос играл контрастом с его устрашающей внешностью.

-Благодарю, - ответила Лин.

-Так кем вы работаете? – продолжал он.

-Я же уже говорил, - встрял в разговор Майкла, помещая свое раздражение на последние слоги в словах. – Она занимается выставками в Хана-арт Гэлэри. Куратор.

-Не кипятись, - совсем мягко отозвался Господин Хван. – Я просто спросил. Куратор выставок?

-Не совсем, - встрепенулась Лин, повернувшись на своем месте в пол оборота, чтобы лучше видеть собеседника. – Пока я только помогаю в организации, но рабочие обязанности очень схожи с куратором. В будущем я рассчитываю возглавить организацию выставок.

-Говорите хорошо и уверенно, - заметил Господин Хван.

Майкл оторвался от еды и нахмутив брови посмотрел на отца. А тот продолжал разговор, за что Лин была благодарна, ведь сидеть в молчании, слушая тиканье настенных часов, выполненных в стиле минимализм, но с максимальным звуком, оказалось очень тревожно. Искусство всегда вызывает бурю эмоций.

-А вы не актриса?

-Нет, - честно ответила Лин. Не удалось сдержать удивленную интонацию, пусть это немного портило её образ уверенного профессионала, который она хотела продвигать, пока тема диалога не ушла куда-то в сторону.

-Папа! – возмутился Майкл. – Да не шлюха она!

-Я такого не говорил, - ответил Господин Хван, поднимая руки так, будто его задерживает полиция.

-Но имел в виду!

-Вовсе нет.

-Она куратор выставок и моя девушка, - отчеканил Майкл обиженно и вернулся к своей тарелке.

Пусть сначала Лин показалось это странным, однако потом она поняла очевидное. Его старший брат наверняка приводил в дом девушек легкого поведения. Из-за этого Майкл вынужден себя оправдывать, что он – не такой, как Бин.

-Я понял, - ответил Господин Хван, но уже более серьезно.

Разговор, благодаря Лин и её рвению рассказывать всем о своей работе, зашел о той выставке, где они познакомились с Майклом, потом плавно перешел на выставку, которую она ему показывала совсем недавно.

-Помнишь, в Сеульской национальной галерее, эти прекрасные образчики ранней каллиграфии? – обратилась она к Майклу и продолжила про выставку, которую организует сейчас. Точнее «помогает организовывать». Несмотря на то, что изначально на заявленную тему не нашлось инвесторов, готовых оказать материальную поддержку проекту, отыскиались некоторые компании, увлеченные не только сферой искусства, но и социальными проектами, которые вносят вклад в общую осведомленность граждан проблемами полов. Лин не хотелось очень сильно углубляться в проблематику, к которой имеет сейчас большой интерес, она ходила буквально по грани между интересом к её рассказу и скукой от него же, но хотелось показать свою образованность. Партия для вашего любимого сына самая подходящая, как бы говорила она каждым произнесенным словом.

В момент, когда она уже чуть ли не рассказала всю подноготную будущей выставки с финансовыми выкладками, Лин наконец заметила, что взгляд Господина Хвана перестал быть похожим на лампу в допросной. Мужчина слушал внимательно, даже заинтересовано. Майкл тоже расслабился: на его лице появилась довольная улыбка, он только в ладоши не хлопал. Значит, все получилось.

-Она открывается в будущем месяце, 2 июля, мы уже сделали пресс-релиз. А перед официальным открытием, будет неофициальный прием только для...

-Хеллоу, - послышалось со стороны входа в столовую. Лин медленно перевела взгляд, а увидев, кто там стоит, закатила глаза.

-Привет, Бин, - поздоровался Господин Хван. – Как отдыхаешь на воле?

-Отлично! – пропел парень и засиял улыбкой. В этот момент он подтянул к своему боку девичье тело, почти раздетое. По крайней мере то, что было надето на девушке – короткое

супер-мини на манер школьной юбки и розовый, будто детский кроп-топ – нельзя было посчитать за одежду. Девушка глупенько хихикнула и невнятно поздоровалась.

-Познакомься с девушкой, - мужчина особо выделил это слово, - Майкла, её зовут...

-Привет, Лин, - помахал рукой Бин.

-Доброго дня, - без энтузиазма ответила девушка.

-Присоединяйтесь к нам, - пригласил Господин Хван. Лицо Лин невольно сморщилось.

-В другой раз, пап, - ответил Бин. – Мы ещё хотели погулять.

Девушка, стоявшая рядом с Бином, вдруг громко взвизгнула, а потом рассмеялась – видимо, парень ущипнул её за мягкое место. Лин подпрыгнула от внезапно крика.

-А, - что-то вспомнив, проговорил Бин. – Мун? Дай свою ламбу⁴ покататься.

-Нет! – резко ответил Майкл. – И не Мун, а Майкл.

-Да, да, - закивал головой старший брат. – Ты на ней вообще не ездил ни разу. Она тебе и не нужна как будто бы.

-Это моя машина! – надулся младший брат.

-Ты же знаешь, машины, как женщины, на них нужно ездить, разгонять до предельных скоростей, приводить к финишной черте. А то заржавеют.

Снова девушка вскрикнула, но в добавок попыталось театрально и не особо стараясь высвободиться из тисков мужских рук.

Майкл ничего не ответил. Лин отвернулась, испытывая подходящую к горлу тошноту. К тому же нужно было скрыть краснеющее неровными пятнами лицо. В некоторых ситуациях на лице девушки проступали на одной щеке розоватые пятнышки, как у леопарда, а другая щека становилась полностью красной. В произведениях обычно ищут изюминку, особенность, которая будет выгодно отличать картину, скульптуру или другой предмет искусства от другого, выполненного в том же стиле. Сама Лин занималась этим постоянно, с самой школы, а может даже и раньше, когда смотрела на каждый листок клена, упавший к ней под ноги. Рассматривать каждое пятнышко, каждый уникальный изгиб – наслаждение, сродни медитации. Мама говорила ей, что в такие моменты Лин становилась самой спокойной девочкой на планете. Своей же особенности она стеснялась, от чего при случайном появлении пятна как будто специально становились ещё четче.

-Ну что, брат, я беру ламбу? - ухмыляясь, спросил Бин.

-Нет! – взвизгнул Майкл.

-Ладно, я тебя предупредил, - подытожил старший и подмигнул. – Мы пошли!

Господин Хван собирался что-то сказать, его грудная клетка расширилась от вбираемого в легкие воздуха, но тут послышался удаляющийся голос Бина.

-Мы вернемся вечером!

Господин Хван сдуслся, принял удобную позу и посмотрел на Лин. Она старательно прижимала подбородок к груди и пыталась скрыть лицо волосами, которые она судорожно вытянула из пучка.

-Не обращайтесь на Бина внимания, - проговорил Господин Хван. – Он бывает малость... эм...

-Неприятным, - закончил Майкл.

-Нет, малость...

-Хамоватым.

-Да нет же, - повысив голос ответил отец. – Малость нескромным. Может чуток непристойным. Но он хороший человек.

-Который отсидел в тюрьме, - прошептал Майкл.

Господин Хван посмотрел на сына суровыми глазами.

⁴ Сокращение от «Ламборджини»

-Он сделал это ради семьи. А что ты для неё делаешь?

Повисло неловкое молчание, которое прерывалось лишь легким скрежетом ножа об тарелку со стороны Майкла. Господин Хван пристально вглядывался в сына, стараясь поймать его взгляд. Недовольство на его лице прослеживалось в изогнутых бровях и играющих желваках. Он то сжимал, то разжимал кулак.

-Так что простите, что мой старший сын вас смутил, - прервал наконец молчание Господин Хван. – Он хороший человек, просто порой слишком открытый.

Майкл цыкнул. Лин наконец решила поднять глаза.

-Все хорошо, Господин Хван, - заверила она. Краснота уже немного спала, щеки перестали гореть. Девушка почувствовала приступ жажды, а потому накинулась на стакан с водой, как на оазис в пустыне.

-Можно просто Джек, - сказал мужчина.

Вечер продолжался спокойнее. Джек расспрашивал Лин о всяком: о семье, о друзьях, о планах на будущее, но чаще речь заходила про работу. Её родители – археологи и разъезжают по всему миру в поисках древностей. Египет, Таиланд, Индия, сейчас – Китай. Раньше они не могли ездить парой, но когда Лин исполнилось 18 они сразу же направились на поиски сокровищ вместе. Чтобы почувствовать свободу и дать свободу своей дочери. Лин росла единственным ребенком в семье, но всегда была погружена в рисование, в лепку, вышивку, а также книги. Её часто водили в музеи, потому что родителям нужно было представлять новые экспонаты на выставках. Тогда Лин и захотела их организовывать. Когда-нибудь она сможет организовать крупную экспозицию, посвященную только тем находкам, что сделали её родители.

-К этому я все ещё стремлюсь, - сказала Лин.

Отец Майкла внимательно слушал. Недоверие, которое пропускали из себя наружу его прищуренные глаза, постепенно сходило на нет. В целом он стал расслабленным. Пока Лин говорила, Джек украдкой поглядывал на сына. Майкл доел свой ужин, потом начал ковырять ногти, потом переключился на мобильный телефон. Поэтому отец слегка хмурился.

Разговор затянулся настолько, что пробившие двенадцать ночи часы испугали всех троих.

-Уже двенадцать? – несдержанно воскликнула Лин. Сразу прикрыла рот ладонью. Весь вечер строила из себя приличную, спокойную девушку и вдруг такая неловкость.

Джек улыбнулся.

-Я закажу тебе такси, - сказал Майкл, вставая из-за стола.

-Зачем же? – тут же проговорил его отец. – Пусть девушка остается. Уже поздно, тем более для кого у нас появилась гостевая комната? Или вы хотите вместе переночевать?

После того, как она услышала в этой фразе намек, её щеки начали постепенно разогреться, но Майкл быстро её отвлек.

-Я сильно храплю, Лин будет удобно в комнате для гостей, - решительно сказал он.

-Не слышал, чтобы ты храпел, - проговорил Джек, отвернувшись к окну.

Этот вечер состоял не только из вкусного ужина, приятного, как оказалось знакомства, снятия напряжения по поводу того, как произвести впечатление, но и из нескончаемой череды длинных разговоров и напряженных, коротких по времени, но длинных по своей сути, занимающих пространство неловких пауз. Лин со своими родителями тоже часто молчит. Кто бы мог знать, что тишина бывает настолько гнетущей. Как темнеющий лес в сумерках.

-Я подготовлю ей комнату, - сказал Майкл, вставая из-за стола.

-Уж будь любезен, - ответил ему Джек.

Парень направился к выходу и Лин хотела поймать его взгляд, чтобы извиниться перед ним за неудобства. Нельзя было не заметить, как у него дернулась венка на лбу из-за напряжения. Он резко встал, подвинул стул так, что его ножки заскрежетали по мрамору. Затем девушка услышала, с каким недовольством он поднимался на второй этаж.

-А пока мой сын освобождает комнату для гостей от своих вещей, мы посекретничаем, - сказал Джек, направляясь в другую комнату.

-От своих вещей? – переспросила Лин.

-Пока его мать в отъезде, он живет в её комнате, - пояснил мужчина. – Вообще гостевая комната находится на первом этаже, но сейчас, надеюсь ненадолго, туда переехал мой кабинет.

-Кстати, - сразу переключилась Лин, - очень жаль, что не удалось познакомиться и с мамой Майкла.

Джек усмехнулся. Вместе они направились сначала в просторную гостиную, выполненную в красно-желтых приглушенных оттенках. Геометрия соблюдалась здесь в каждой детали, даже в интерьерной картине, собранной из треугольников и квадратов. Выверенный дизайн.

-Может и хорошо, что не познакомилась, - сказал Джек, открывая дверь. – Это мой кабинет.

Кабинет Господина Хвана разительно отличался от всего дома в целом. Некоторым образом, он хорошо подходил забору, что опоясывает дом, но всему остальному он не в меру эклектичен. Лин признавала, что как отдельный элемент, кабинет обладал самостью, был гармоничен, пусть и вмещал великое множество деталей: мебель в старинном стиле с позолотой, изогнутыми ножками с растительным орнаментом, светильники, оформленные под подсвечники, шкафы и трюмо в стиле барокко, люстра из хрусталя, картины и гобелены с изображением охотников, купцов и лошадей. Лошади буквально двигали сюжет этого кабинета, наполняли его особым для хозяина смыслом. Как в игре «Найди Волдо», только среди здешних непарнокопытных нужно было бы отыскать маленькую лошадь в красно-белую полоску.

-Майкл сказал, что она уехала по важным делам.

-Ха, да. Показ мод бывает только раз в сезон.

Джек пригласил девушку присесть на кресло, что стояло напротив внушительного стола. Правда креслом этот предмет мебели назвал бы только продавец в мебельном отделе. Это трон, не иначе.

-Как тебе мой кабинет? – с гордостью спросил мужчина.

-Как отдельная выставка в галерее, - сказала Лин. И правда, этот кабинет прямо сейчас вывози и так выставляй. Версальский уголок. – Такую коллекцию сложно собрать самостоятельно! У вас есть знакомые из мира антиквариата?

-Не то чтобы, - расплывчато ответил Джек. – Скорее я сам владею путями добычи.

Он хитро улыбнулся. Как и все в мире искусства, он не хочет сразу делиться своими связями.

-Удивительно видеть такую европейскую роскошь восемнадцатого века в нашей культуре, - решила продолжить Лин.

-Я в молодости жил во Франции. Влюбился без памяти, - произнес Джек, осматривая свой кабинет мечтательным взглядом. Даже меланхоличным, вмещающим в себя и едва неуловимую тень траура. – Спасибо сыну, что не возражал против того, чтобы вся эта обстановка переехала к нему в дом на время.

Лин почувствовала какое-то странное ликование, будто это она сама – благородный ребенок. Благодарить родителей за внимание, за рождение, за воспитание, за радость жизни – то, что ей нравилось. Она ведь и сама старалась быть хорошим ребенком.

-Оформлено очень достойно, - с мягкой улыбкой похвалила девушка. Ей, конечно, больше нравились новые течения, как современный дизайн основного дома и его удобство, но не отметить стиль она не имела права. Тем более, что здесь сплелись и правда, и свой собственный умысел.

-Вы очень умны, - заметил Джек. – Я бы даже сказал благоразумны.

-Вы так говорите, как будто это плохо, - рассмеялась Лин.

-Вовсе нет, - ответил мужчина.

На саму реплику он улыбнулся, поддерживая настроение своей гостьи, но сразу же надел на себя прозрачную маску серьезности, из-за которой проглядывала обеспокоенность. Так выглядел её отец, когда познакомился с бывшим. Он будто чувствовал - что-то не так. Это как проходить в районе, где между домами или магазинами затерялась стихийная свалка. Ты чувствуешь неуловимый запах, он начинает тебя раздражать, но ты не можешь отыскать глазами этот раздражитель и все оглядываешься. Уже после того, как реальный запах исчез, может даже свалку убрали этим же вечером, но проходя там ты все так же ощущаешь запах.

Лин испугалась. Но времени подумать или исправить ситуацию не нашлось.

-Ты правда сама согласилась встречаться с Майклом?

Испуг сняло как рукой, перемешав его сигнальную краску с недоумением. Это уже не тот подозрительный вопрос, что она услышала вначале вечера. Не то идиотское замечание в подобном же роде, что она услышала несколько дней назад в свой адрес. Недоверие ещё оставалось в этих словах, но соединялось оно чем-то другим. Будто между сомневающимися словами была склеивающая их воедино... забота?

-А как же ещё? – ответила Лин.

-Говоря откровенно, - начал Джек, - я не верю в это до сих пор. Ты видишься мне умной девушкой, совсем не похожей на людей, с которыми общается мой сын. Совсем не похожа, то есть, я бы сказал, что противоположна тем людям. Поэтому я и удивлен, а может и обескуражен такой невиданной удаче.

Он сделал паузу, чтобы в который раз осмотреться. Под особый взгляд ему попала маленькая, судя по всему золотая фигурка лошадки. Он дотронулся до неё кончиком пальца. Суть его действий, как и суть слов, Лин не уловила. Однако воспитанная в ней тонкость к чувствам и их выражению подсказывала, что мужчина все же обеспокоен больше, чем подозрителен. Вся его фигура выглядела так, словно на его плечах висит огромный вес, словно он – постамент для ещё большей скульптуры. Скульптура эта отражает смирение. И кажется, они никогда не соприкоснутся, отделяемые тонким, непреодолимым слоем, толщиной во всю человеческую жизнь.

Чужие чувства сработали на девушку, как пусковой крючок. Она должна была уговорить Господина Хвана смириться с тем, что его младший сын сделал такой выбор.

-Я действительно сама выбрала вашего сына, потому что он хороший человек, - начала Лин. – Я давно не встречала таких кротких, таких стеснительных парней. Когда мы только встретились, у скульптуры из микросхем, олицетворяющей новое рождение, мне показалось, что он несчастен и одинок, как раз из-за своей скромности. Очень жаль, что таких людей не замечают, а ведь они стоят как граненные алмазы. Поначалу он сторонился разговора, но искусство способно раскрыт и такие потерявшиеся души. Энтузиазм, с которым он рассказывал обо всех связях, о материалах, о платах, которые использовались в выставке, был такой детский и прекрасный. Мне он понравился. И я думаю, что смогу сделать его счастливым.

-А он тебя счастливым сделает?

-Конечно, - немедленно ответила Лин. Слово слетело с губ, даже не пройдя обработку в центре принятия решений.

-Как всегда, он добился желаемого, - подытожил Господин Хван.

Лин осталась довольна тем, что выговорила. Раньше она не задумывалась о своих отношениях с Майклом, мысли об этом всегда оставались где-то на периферии, а потом уходили в тень, когда они встречались. Как будто и не существовало времени на то, чтобы размышлять о том, как, почему, зачем. Оно родилось и это прекрасно, разве не так? Симпатия, воодушевление, вдохновение от новых чувств. Пусть их отношения начались стремительно, она все же радовалась тому, что оказалась в спокойной гавани. То, что её мысли выплеснулись здесь и сейчас в разговоре с отцом Майкла, позволило ей понять, что она на верном пути и стать ещё более настойчивой.

Как внезапно к ней пришло осознание правильности своих действий, также внезапно в её голову внедрилось одно слово. Желаемое. А может даже и словосочетание: добиваться желаемого.

В искусстве она борется с тем, чтобы человека как такового перестали делать объектом. Он не ведро, в которое можно скинуть свой мусор. Не кресло, на котором можно удобно устроиться, не спрашивая разрешения. Не пакет со сладостями, который можно разорвать из желания съесть такие вкусные внутренности. Не стакан с водой, который можно опустошить ради своей выгоды. Человек – не объект. Он выше материального, потому что содержит душу. Тело его материально, вещественно, но не принадлежит миру вещей на самом деле. Современный мир предъявляет к человеку такие требования, как к товару, который можно продать. Однако его нельзя объективизировать, делать предметом сделок, наделять его нужными качествами или требовать избавления некоторых от неугодных качеств. Искусство выносит человека в мир духовного, позволяя раскрыть его внутреннюю неповторимую, уникальную Вселенную, которую не купишь за деньги.

Но так иногда хочется стать объектом чьего-то желания! Желание быть желаемой опускает до объективации. И делает живой. Противоречивые чувства заставляют нервничать, заставляют биться головой о невидимые преграды до крови. Как привести их в согласие? Ведь одна часть хочет возвышенного, а другая – очень низкого. Быть желаемой – одна из её потаенных страстей.

Осознание того, что её не только желали, но и добивались, подняло её на уровень под облаками. Ощущение легкости парения над землей ничуть не уменьшалось из-за мыслей о том, где на самом деле родилось это чувство. До того момента, пока она не поняла, где находится и в чем присутствию думает такие мысли.

-Прости, если я тебя чем-то смутил, - сказал Джек и Лин стало вдвойне неловко.

-Нет, нет, вы меня простите, я задумалась.

-Видимо Майкл за тобой не придет, - с уверенностью заявил мужчина. – Провожу тебя до его комнаты.

Девушка вопросительно на него посмотрела.

-В смысле до гостевой комнаты, - поправил самого себя Джек. Лин облегченно вздохнула.

Прощались они на втором этаже, где и жили все обитатели дома. Майкл рано ложится спать, а потому не вышел пожелать спокойной ночи. За него это сделал отец. Сам он вновь спустился вниз, видимо доделать дела в своем богемном кабинете.

Лин зашла в комнату. Большой напольный светильник с ярким абажуром стоял в углу комнаты и освещал её приглушенным теплым светом. Мягкие желто-оранжевые оттенки, в которых утопала комната, вселяли какой-то наивный оптимизм. Рядом с лампой стояло оранжевое кресло с подушками и столик для книг. Большая кровать изголовьем прижималась к стенке. Покрывало лежало на одеяле, о котором уже сейчас, не трогая его, можно сказать, что оно невероятно мягкое. Край покрывала загнулся, создавая привкус неаккуратности. Сверху лежало приготовленное постельное белье и полотенце. По настроению комната больше напоминала номер в отеле, чем помещение, в котором кто-то живет и наполняет пространство своей энергетикой.

Девушка подошла к окну, отодвинула тяжелые шторы. За окном крошечная тьма. Невозможно даже представить, что там, а ей ведь было так интересно. Судя по всему, окна её сегодняшнего номера выходили на задний двор, в лес. Она открыла раздвижные окна и вдохнула свежий воздух и ненавязчивый шелест листьев. Прежде чем лечь спать, хотелось просто полежать, отдохнуть. Ощутить телом это место. Лин легла на покрывало и сразу утонула, будто её поглотило облако ваты. На таком ей спать не приходилось. Она положила руки на грудь, устремив взгляд в потолок.

Мысли витали вокруг её головы, как бабочки. Одна приземлится на лоб и Лин думает о том, что разговор с Джеком прошел неплохо, по ощущениям, она смогла произвести приятное впечатление. Конечно, отцу не хочется отдавать сына в руки кому попало, но она точно смогла доказать свой статус, ум и намерения. Хотя бы для сравнения взять его старшего брата. Что с ним была за проститутка? Разве можно с такими строить серьезные отношения? Вторая бабочка сменила первую и Лин стало грустно без причины. Аморфная мысль, не оформившаяся в слова, полила увядающий цветок чувства неполноценности, что посадили в девушке прошлые отношения. Она вроде никогда не ставила себя в роль шлюхи, не демонстрировала такие повадки, а её все равно использовали, поиграли и выкинули. Третья бабочка прилетела быстро: нет, это он урод и такие как он! Лин ощутила, как её брови приобрели воинственный вид. Она заслужила лучшего. И нашла его. Девушка прикрыла глаза, вспоминая образ Майкла. Следующая бабочка подкинула слишком шальную мысль: на вид он может и не столь привлекателен, как хотелось бы, но оно и не главное. Интересно, подумала девушка, а на этой кровати он занимался с кем-нибудь этим? Лин провела руками по покрывалу, мелкие ворсинки зашевелили кожу её ладоней. На этой мягкой кровати, на поглощающем матрасе. Удобно ли вообще заниматься сексом на таком облаке? Лин сомневалась, что и просто спать ей будет комфортно – она любит пожестче.

Быстрым движением головы из стороны в сторону Лин отогнала от себя рой бесцеремонных насекомых. Вот ведь вздумали ей голову всяким бредом забивать. Хватило и того, что она несколько раз думала о пошлых вещах в неподходящей обстановке. Она все ещё в гостях, а не дома, надо вести себя прилично, а не краснеть, думая о том, как Майкл уложит её на кровать и возьмет желаемое. Надо остановить себя, пока не пришлось сушить белье.

За раздумыванием прошел час. Где-то в доме в колокол ударили большие часы, оповещая о том, что уже час ночи. Лин зашла в душ и насладились прохладной водой. Все же в Корее становится летом невыносимо жарко и влажно. К сожалению Майкл не догадался подготовить ей что-то, во что можно переодеться, а сама она не думала, что останется ночевать вне дома, поэтому решила поспать голой. Повесив постиранное нижнее белье на полотенце-сушитель, она быстро юркнула под одеяло, будто за ней кто-то мог наблюдать. Странно, но дома у неё даже не возникало мысли спать без одежды. Разве что иногда, в моменты крайнего одиночества и бессилия, когда хотелось почувствовать в себе женскую энергию. Не зря же ведьмы ночами танцуют голышом. Она всегда спала в пижаме и по традиции в носочках для сна. Рационально свой поступок она объяснила тем, что не во что переодеться. Ведь это правда.

Постепенно на неё наваливалась сонливость. Бабочки засыпали под напором тяжелого ночного покрова. Она закрыла глаза и уже готовилась оказаться в объятиях морфея.

-Да, Бин! – послышался приглушенный женский голос. Будто из пещеры кричала принцесса и слышно, и неслышно одновременно.

-Ох... дааа...а...ах...

Ритмичные стоны разбивали сон Лин. Они эхом отражались от стен и возвращались со звоном ей в уши ещё раз. И ещё раз. Затем они наполнялись новым импульсом и с большей силой проникали к Лин в голову через барабанную перепонку.

-Да...Бин... даааа...ааах...

Лин попыталась спрятаться под подушкой, но вездесущие стоны пробивались сквозь материал, действуя на нервы. Громкость усиливалась с каждой секундой, а ритм становился все быстрее. Лин хотелось спрятаться, исчезнуть, раствориться, но только бы не слышать эти звуки. Воображение подбрасывало и звуки шлепков одного тела и другое. Лин зажмурила глаза, лишь бы не воображать ещё и соответствующие картинки. Чем дольше продолжалась эта попытка пошлыми звуками, тем сильнее её распирала ненависть и тем больше её тело трясло. Когда в соседней комнате к женским стонам присоединились напряженные мужские, Лин резко поменяла позу и прикрыла уши ладонями. Стало жарко и она откинула одеяло с одной ноги.

По телу прошелся холодок, вызвав мурашки. Особенно нагло он прошелся по ногам, остановившись прямо между ними, там, где девушка сжимала кусок одеяла, чтобы почувствовать пусть небольшое, но давление.

Чужие стоны изводили её долго, отчаявшись, она начала плаксиво хныкать. И уже хотела прикоснуться к себе, испытывая смущение и ярость от сложившейся ситуации, но в соседней комнате пик громкости стонов зашкалил, ритм двойного сердца затих. Осталось только чье-то напряженное дыхание. Толи её, толи того, кто испытал оргазм по соседству. Слеза скатилась по её щеке на подушку. Собственное сердце продолжало стучать ещё некоторое время, пока и оно не успокоилось, разбуженное бесцеремонным вмешательством. Это несправедливо и... жестоко.

Утро после секса – самое прекрасное утро. Даже после тюрьмы в первую ночь на мягкой кровати без чужого храпа с верхней полки и без раннего подъема, Бин не чувствовал такого облегчения и эйфории. Он сладко потянулся, постанывая от приятного растяжения мышц. На его животе покоилась тонкая белая рука девушки. Её длинные волосы лезли ему в нос.

Он скинул с себя чужую руку и встал с кровати. Сделал круговые движения руками, чтобы размяться: толи тренировки в темпе, от которого он отвык в тюрьме, толи длительная долбежка в одной позе, скопили молочную кислоту в больших грудных мышцах. Массажными движениями Бин пытался выгнать из них лишнее.

-Хочешь, я могу помять тебе грудь, - предложил девичий голос. Бин развернулся и восхитился открывшейся картине: голая девушка, её тонкая фигура в обрамлении одеяла, растрепанные волосы, несколько ярких засосов на её чистой коже и развратный взгляд. Давно он не видел подобной картины, а потому быстро возбудился. Перед тем, как сесть в тюрьму, приходилось часто наблюдать нечто подобное, вроде бы девушки разные, а в вроде это бесконечный день сурка. Впрочем, почему бы не порадоваться, что этот день снова настал.

-Это я должен был сказать, - подмигнул Бин. Девушка пожирала его глазами, что всегда очень льстит. В тюрьме ты либо занимаешься спортом, либо читаешь, либо мордуешь кого-нибудь. По-другому никак. Поэтому сейчас он чувствовал себя в самой лучшей форме. Тяжелых весов не хватало, на тюремной еде особо мышечную массу не наберешь, но в целом подсушенные, крепкие мышцы в сегодняшнем виде его устраивали.

Девушка засмеялась его реплике и тоже потянулась на кровати, явно не только с целью почувствовать эту утреннюю сладость, но и для того, чтобы показать себя во всей красе. Зайти ещё на пару кругов.

Но Бин лишь осмотрел все её прелести. Утренний секс – какая-то интимная вещь. Солнце должно видеть только прекрасные вещи, поэтому он лишь пощекотал девушку, вызвав искристый смех, и пошел в душ.

Мысли освободились под напор прохладной воды. Пора браться за семейные дела. Его отбросило на два года, но теперь он снова в строю. Отец, как создатель семейного предприятия хорош в делах, просто их стало слишком много, а конкуренты и злопыхатели не дремлют. Контрабанда, которую они поставляют в страну Утренней свежести со всего мира работает исправно – пока богатые люди заинтересованы в роскоши и уникальных вещах, этот бизнес будет процветать. А зная человеческую природу, этот бизнес никогда не умрет. Играть на человеческих слабостях так просто. Надо только позвонить на таможню, чтобы вспомнили, кому стоит быть благодарными.

Нелегалы все также проходят через сотрудничество с их организацией. Здесь, пожалуй, все устроено настолько хорошо, что становится скучно. Даже законники внимания не обращают. Если политика страны не изменится, переживать о прекращении потока незаконных мигрантов не стоит. Помогать им уходить от преследования за вознаграждение – пахнет делом, сродни работе какого-нибудь святого: они молят тебя о помощи, а ты снисходишь до

них и помогаешь устроиться в чужой стране, чтобы поправить жизнь к лучшему. Пусть незаконно, но кого это волнует.

Но есть проблемные вопросы. Давно уже проседает игорный бизнес. Отец именно с него начинал во времена кангпхэ⁵. Игровые автоматы, подпольные казино, ставки. Устроить такое в 80-е было легко. Сейчас именно это направление в большей степени находится под прицелом полиции. Тц, праведники, делиться не хотят. Сейчас приходится идти в ногу со временем, чтобы продолжать зарабатывать. Но этот проклятый Чхве Гын Пин, чтоб его... Бин несколько лет работал над онлайн-казино, с точкой на Филиппинах, столько усилий в это вложил, а этот придурок его сдал. Надо найти его. Сам этот идиот вряд ли догадался бы настучать на босса. Кто ещё подкармливает этого шакала?

Бин выключил воду и вышел из ванной, вытираясь на ходу. Девушка встала с кровати, собирая разбросанные повсюду предметы одежды: маленькую юбку, топик, лифчик и трусики. Последнее долго не удавалось отыскать, она заглядывала под кровать, под кресло, нагибаясь и выставляя на показ все свои достоинства. От такого вида парень начал подумывать, а не бросить ли дела и не посадить ли на себя эту малышку ещё пару раз. Вместо исполнения этих мыслей, он толкнулся в девушку пахом, отчего она засмеялась и выпрямилась, показывая, что нашла свои трусы, демонстративно их развернув и неспешно надев. Парень же взял в руки телефон. Уже с раннего утра его все ждут.

Девушка подошла к нему, убирая пальчиком капли воды.

-Может ещё повеселимся? – предложила она, проводя ладонью по крепкому торсу, затем по прессу, щекоча.

Бин хмыкнул, прижал девушку к себе и поцеловал в губы. В сравнении с ночными, эти поцелуи можно считать целомудренными.

-Прости, Сара...

-Сора, - поправила девушка.

-Сара тебе больше подходит, - поделился Бин. – Прости, мне нужно работать.

Девушка надула губки.

-Но ты же позвонишь мне? – хлопая наращенными ресницами, спросила она. День сурка во всей красе.

-Конечно, - ответил он заученной репликой. – Как не позвонить такой малышке?

Она хихикнула и отошла, чтобы собрать сумочку и накрасить губы.

Он не будет ей звонить. Бин перезванивал только Чанми и то, если чувствовал себя паршиво. Удивительным образом шлюха успокаивала его, а эта девочка лишь одна из многих. Сконцентрированная на внешности обертка без внутренностей, жаждущая поиметь такую же обертку, но с деньгами, чтобы обеспечивал её пустые прихоти. Копия мачехи. Где стоит завод, штампующий этих девочек? Взорвать бы его уже.

Бин заказал девушке такси, она попыталась поцеловать его на прощание, но он лишь чмокнул её в губы, говоря, что у него важный звонок по телефону. Звонок взаправдашний и парень говорил в трубку, пока спускался вниз на кухню:

-Ты нашел его?... Вот гавнюк! Я знал, что ему просто кинули кость покрупнее... Поймай его и приведи ко мне, я бы хотел очень сиииильно с ним поговорить... пусть пишет завещание.

Бин зашел на кухню, включил кофе-машину, достал любимую кружку из шкафа и только обернувшись от барной стойки заметил, что за столом кто-то сидит. Он улыбнулся.

-О, доброе утро, Лин, - подмигнув сказал Бин. – Как спалось?

Судя по выражению лица, спалось ей не очень. Волосы, убранные в хвост, заглажены так аккуратно, будто все волосинки на её голове – это отряд военных, вытянувшихся по струнке.

⁵ Название для корейской организованной преступности, по типу якудза, мафии. В конце 70-х законы стали менее жестокими и это дало толчок к образованию новых кланов и новых видов преступной деятельности.

Вчерашнее платье ничуть не помялось. Отличие состояло в отсутствии косметики, отчего её лицо выглядело немного бесцветным. Все бы ничего, но синяки под глазами светили ярче самого солнца. Выражение лица присоединялось к фиолетовым синякам – метало гром и молнии. В районе переносицы образовались смешные маленькие складочки.

-Ты оставалась у нас ночевать? Бурная ночь с любимым?

Девушка смотрела ему прямо в глаза - пыталась испепелить.

-Мне трудно представить, что Майкл мешал бы тебе спать, даже если бы у вас и случился секс, - проговорил Бин, наливая живительный напиток в кружку. Лин бы он тоже не помешал, на одной воде с таким недосыпом далеко не уедешь. – В чем я сильно сомневаюсь.

-Кто-то другой проводил бурную ночь сегодня, - с нескрываемой злобой проговорила девушка. – Мешая нормальным людям спать.

-Ааа, - понимающе откликнулся Бин. – Майкл был так великодушен, когда отдал тебе свою комнату.

Смех сдержать не получилось. Раньше он издевался только над Майклом. Бина всегда веселило, как Майкл стучал своим маленьким кулачком по стене, когда его соседи выставляли который оргазм подряд или как младший брат на утро ходил хмурый, а потом высказывал свои миленькие претензии о том, что видите ли развратный образ жизни брата не дает ему спокойно спать. На предложение передернуть под подходящий аккомпанемент он обижался ещё сильнее.

-Просто можно быть тише, - высказала Лин.

-А зачем? – спросил Бин, вновь подмигивая. Он сделал ещё один глоток кофе и почувствовал, что жизнь, как и настроение, становились все лучше и лучше. Гостью разрывало от бешенства, её ноздри раздувались, как у буйвола. – Зачем сдерживаться?

Лин ничего не ответила, только многозначительно провела глазами по потолку. В это время Бин залез в холодильник, достал ветчину, яйца, хлеб и шпинат. Готовить как всегда не хотелось, поэтому он решил сделать обычный бутерброд. Желудок довольно заурчал, предвкусывая еду. Парень начал напевать песню, что услышал недавно по радио, что-то из современного попа. В этом он не разбирался, ему были ближе рок и рэп, но та песня показалась ему задорной и прилипчивой, подходящей под хорошее настроение. Он пританцовывал в ритм, заворачивая в тугий узел упаковку от хлеба и красиво укладывая тонкие ломтики ветчины на подушку из зеленых листьев. Сковорчащая на сковороде глазунья подпевала. В идеальный момент сняв сковородку с плиты, так, чтобы яичница была в меру поджаренная, но желток оставался ещё жидким, Бин положил яйцо на ветчину. Он с такой нежностью девушек на кровать никогда не укладывал, но еда - это совсем другое. Убрав все лишнее, он протер тарелку от лишних капель соуса и крошек, повернул тарелку, чтобы рассмотреть свой утренний шедевр со всех сторон. Невольно в его поле зрения попадала девушка, которая то смотрела себе в чашку, в которой, Бин уверен, была только вода, то с надеждой гипнотизировала часы и проход на кухню. Ожидала, что кое-кто войдет.

-Он может спать до полудня, - предупредил Бин. – Ты бы его не ждала.

-Я твоего мнения не спрашивала, - отрезала Лин.

-О, как грубо, - ответил Бин. Впрочем, такой тон больше походил на обиду, а не злость. Будто её куклы взяли без спроса и нагло раздели. Теперь за столом сидела суксившаяся девочка, надувшая губки. Никакой брутальности.

Бин вышел из-за стойки, взял тарелку в одну руку, чашку – в другую, и сел напротив гостыи.

-Прости мне мою негостеприимность, - сказал Бин. – Может тебе тоже сделать бутерброд?

Девушка решила проигнорировать предложение. Она вновь посмотрела на настенные часы, словно стрелки, равнодушно бегущие вперед, могут решить ей помочь и поднять с кро-

вати тело её парня. Парень... как странно осознавать, что его младший брат может встречаться с девушкой.

-Тебе Майкл сам предложил встречаться или ты его похитила, пытала и вынудила это сделать?

Лин не ответила, только со злостью посмотрела на Бина. Морщинки у носика все также хотели размазать парня по стенке, к ним добавились и воинственно настроенные брови, как боксеры, вставшие в стойку для удара. Бин откусил кусок бутерброда, неспешно запил его кофе.

-Не понимаю, с чего такие подозрения? – сквозь зубы процедила девушка. – Сначала ты меня шлюхой называешь, а потом обвиняешь в том, что я его в заложниках держу? Что странного в том, что два человека начали друг с другом встречаться?

-Да не злись ты, – поторопился высказать парень, незаметно посмеиваясь. – За шлюху прошу прощения. А странного почти ничего. Просто Майкл у нас такой...застенчивый. С девушками. Не умеет с ними разговаривать.

-Будто ты умеешь? – спросила Лин.

Бин посмотрел на девушку, подняв брови – серьезно?

-Разговаривать о красоте девушки, чтобы заманить её в постель – это не разговор. Нельзя говорить только о сексе.

Это ли не вызов.

-Ха, конечно, можно. О нем можно говорить долго. Очень долго. И очень-очень...долго.

Бин автоматически приоткрыл рот, показывая уголок языка. Что поделать, если флирт за много лет стал частью не только поведения, но и самой плоти. Даже тогда, когда он не захочет флиртовать, он будет это делать.

-Вот и здесь не можешь без этого обойтись?

Бин откусил ещё кусок бутерброда, жидкий центр яйца лопнул и потек от его рта к подбородку, успевай только ловить капли.

-Ты первая начала, – заметил парень, вытирая желток с лица подушечкой пальца.

Желток, попавший на руку, Бин вытер салфеткой, за которой пришлось встать. В это время в столовую зашел отец.

-Доброе утро, сын, – сказал Джек, протягивая сыну руку на европейский манер.

Бин быстро выбросил салфетку и в ответ протянул обе руки, чтобы с чувством пожать руку старшего.

-Доброе утро, пап! Как спалось?

-Прекрасно! – просиял старший. – После знакомства с Лин на моем сердце стало спокойнее. А вот и она!

Джек слегка ударил Бина по плечу и обратился с приветствием к девушке. Лин встала из стола, чтобы почтительно поклониться. Услышав чужой разговор, она, кажется, сбросила с себя вес недосыпа.

Парень за свои три десятка лет прошел большую школу жизни. Что уж там, срок в тюрьме был не первым. Он видел разных людей, общался с ними и не то, чтобы видел насквозь, всего нельзя увидеть, даже если через рентген смотреть, но где находятся сердца людей он точно знал. У кого в кошельке, с теми договориться проще, но есть опасность предательства, вдруг твоего кошелька человеку окажется мало. Это тот мелкий уродец Гын Пин, ушлый лысый проныра. Да и многие другие люди. Простые, можно сказать. У кого сердце во рту, тот только думает, как бы подняться повыше, чтобы смотреть на всех сверху вниз, руководить, орать на подчиненных и томно вздыхать от удовольствия на своей вилле перед бассейном. У кого жизненный мотор в мозгах, тот стремиться сделать карьеру, того захлестывают амбиции и он не видит в этом мире ничего, кроме инструментов для достижения своей цели. У кого ритм жизни бьет в ноги или руках, тот либо хочет войти в историю как самый сильный и ловкий, либо

стремится выразить свои эмоции через творчество. Есть люди, у которых сердце на причинном месте. С теми все ясно. Иногда Бин относил себя к таким людям, но если задуматься, то его сердце не билось только в члене. Может оно даже не заходило на эту территорию специально, ведь секс для него – способ достижения целей, а не приятное, волнующее соединение двух тел и двух душ.

Проблема его классификации состояла в тех людях, у которых сердце на своем месте. Бьется в груди, испытывает эмоции, живет разнообразной полной жизнью во многих важных направлениях. Таких людей он не видел.

Смотря на девушку, он не мог сказать точно, кто она в этой системе. Где лежит её сердце? Нужно больше о ней узнать, ведь то, что она осталась в зоне слепого пятна его радара – подозрительно. Зачем она здесь?

-О чем вы тут беседовали? – поинтересовался Джек, ставя чайник и подготавливая себе английский чай.

-Да так, - сразу ответил Бин, пошловато посмотрев на девушку. Она совершенно не пытается скрыть своего отвращения, закатила глаза и отвернулась к часам, отпивая глоток воды. – О пробуждении, о Майкле... о сексе.

Лин поперхнулась.

-С тобой все в порядке? - забеспокоился отец. – Принести воды?

-Пап, она и так только воду пьет, даже от завтрака отказалась, а я предлагал, - ответил Бин.

Он ждал, что девушка со злобой на него посмотрит. Почему-то именно этого он хотел – поиграть со злобным котиком. Иногда выводить девушек из себя очень весело, дразнить, щекотать, заставлять капризничать. С девушками, не будь этой игривости, было бы скучно общаться. Но вместо злости, хоть небольшой, хоть маленького упрекающего взгляда, Лин только больше отвернулась, уже не к часам, а к окну. А на её шее и линии декольте начали проступать красные пятна. Стесняшка-леопард.

-Зачем ты смущаешь девушку, развратник? – спросил Джек и проходя мимо Бина, чтобы сесть во главу стола, стукнул его по спине. – Она не такая, как твои девицы. Лин – умная и скромная. Никаких в тебе манер, потому что ты не бывал в обществе таких девушек.

Бин пристально посмотрел на отца, пока тот не обращая на сына внимания, пододвинул поднос с фарфоровым чайником и чашкой, неспешно налил черный чай, кинул туда лимон и добавил молока. Только отхлебнув напиток, мужчина поднял глаза.

-Ну почему же не бывал, - ответил Бин, громко выдыхая и откидываясь на спинку стула. Он отодвинул от себя пустую чашку и скрестил руки на груди. – Бывал я в обществе умной, красивой, эрудированной женщины. Пока она была жива.

Он сделал паузу, смотря на реакцию отца. Ничего не выдавало его эмоций, лишь мимолетное движение тонкой вены на лбу, небольшая пульсация гнева.

-А вот потом в нашем доме, заметь не с меня, началась череда проституток и меркантильных шалав.

Фарфоровая чашка с грохотом шлепнулась на поднос. Лин подскочила от неожиданности.

-Когда ты уже прекратишь этот цирк? Она –твоя мачеха, щенок, учись её уважать.

-Ну девочек её профессии я уважаю, - ответил парень.

-Заканчивай! – рявкнул на него отец.

-Это не я начал, - смеясь, сказал Бин, разводя руки и показывая свободные ладони. Не такой уж он и безоружный, как хотел показать.

Джек выдохнул. Скорее с сожалением, чем от злости. Этим он разочаровывает. Своим тупым смирением.

-Простите нас за эту неловкую семейную ссору, - обратился отец к девушке. Лин, кажется, отвлеклась от своих мыслей: краска с неё лица медленно исчезала, возвращая естественный сероватый тон.

-Все нормально, - уверила она. – У всех бывают разногласия.

-Что ж, - начал Джек, - позвольте реабилитировать нашу семью в ваших глазах. Я вызову своего личного водителя, он отвезет вас домой.

-О, это чудесно, но я хотела подождать Майкла, - ответила девушка.

-Он будет спать ещё долго. Всю ночь какие-то свои игрушки компьютерные тестировал. Бин усмехнулся. На сердитый взгляд отца он ответил подмигиванием.

-Я могу отвезти девушку, - предложил парень, хитро ухмыляясь. – На машине Майкла. Если его младший брат научился добиваться своего, то Бин должен ему показать, кто на самом деле в этом хорош.

-Нет, - отрезал отец. – На его машине ты не поедешь, он тебе запретил её брать и он имеет право на личную собственность. И, если ты забыл, у нас много дел. Особенно после твоего провала.

-Не так уж и много, - парировал Бин. – Провал может и был, но ущерб не такой сильный, как ты думаешь.

-Уверен? – спросил Джек, заискивающе. – Ты не часто думаешь о последствиях. Особенно отложенных.

Бин нахмурился, но не хотел сопротивляться. Всему, что сам умел, Бин научился у отца, за что уважал его больше всех на свете. В работе он ровнялся на единственно верный и несокрушимый эталон.

-Ладно, я понял, - ответил он, согласно кивнув. Он помыл чашку и тарелку, положил их на место и уходя небрежно бросил: - Ещё увидимся, Лин.

С самого утра день пошел по причинному месту кота. Или любого другого животного. В том числе и человека. Лин ненавидела буквально всё и всех: сначала айс-американо, который пролился на блузку, потом мужской костюм от Гуччи, который нужно отвезти в химчистку, водителей, которые сигналият, пробку, из-за которой она не успеет вовремя добраться до работы и проконтролировать Мин Сока, чтобы он не наговорил лишнего в своем творческом порыве истерии. Больше всего сейчас она ненавидела только саму себя за желания, толкающие её непонятно во что. А ведь она всего лишь хочет отметить день рождения в компании Майкла на романтическом ужине в ресторане «Д'Элите».

Сеул очень богат на всякого рода рестораны. Можно найти какие хочешь: веганские, вегетарианские, французские, для любителей мяса, для ценителей рыбы, для любителей дорого и мало поесть, для любителей много и дорого поесть, мексиканские, красивые, люксовые, под открытым небом, под искусственным небом, китайские, с большими аквариумами, под аквариумами и так далее. Все для тех, кто может и хочет поесть «не как все». И среди этой массы самых необычных и вычурных ресторанов выделялся один. Тот самый «Д'Элите». Итальянский ресторан. Вроде таких много, но таких как он – больше нет. Простой в интерьере, в классическом итальянском стиле, какие, пожалуй, подойдут для того, чтобы влиятельные мафиозные кланы праздновали там дни рождения. А главное - потрясающая еда. Без изысков, но вкусная настолько, что можно съесть собственный язык и попросить добавки. Почему именно он стал таким элитарным можно только догадываться, но пробиться туда почти невозможно. Или возможно, если у тебя есть связи в более высоком мире.

Лин очень хотелось туда попасть. Даже не столько отметить день рождения, сколько просто поесть, ощутить себя в этом месте, куда трудно попасть. Если она сможет забронировать там столик, то это будет означать её статус, а он нужен, чтобы стать видным координатором

выставок, а впоследствии и управляющей выставочным комплексом, чем черт не шутит! Это первый шаг к большому миру.

Жаль, что Майкл никак не сможет помочь в этом деле. Когда Лин спросила про этот ресторан, парень был слишком занят, чтобы обратить внимание, он все разруливал рабочие вопросы в телефоне, на его лице устоялось такое напряжение, что девушке стало страшно. Другого момента поговорить об этом уже не нашлось, потому что заказывать столик нужно уже сейчас. Лучше бы год назад, но и сейчас была возможность. А вот Мин Сок точно мог помочь. В свой инста-аккаунт он выкладывал фотографии ужина с Францем Вульфом и Этьеном Жебером, известными фотографом и дизайнером интерьеров в стиле минимализм. Потом ходил везде, хватался встречей и тем, что смог договориться об этом ужине, заказать столик, потому что «у него есть связи».

Поэтому Лин везет его костюм в химчистку. Телефон девушки завибрировал.

-Какого черта ты ещё не на работе! – завизжали в трубке. В пробке, где-то на расстоянии трех машин вперед противным звуком отозвался сигнал клаксона.

-Я же по вашим поручениям езжу, - ответила Лин, внутренне закипая.

Бурление гнева при одном только взгляде на этого человека или при одной ноте его голоса, она могла унять только четким понимаем своей будущей цели и долгим-предолгим, шумным выдохом, с помощью которого из неё выходил весь пар, что норовил взорвать голову. Только осознание, что реакция на этого болвана может выйти ей боком могла остановить желание врезать ему. Спасибо природе, что она помогла человеку вырастить мозг, способный предвидеть последствия. Жаль не все этим пользуются. Сейчас она не вспоминала о перспективах своей карьеры, она старалась представить себя сидящей в уютном зеленом кресле перед дубовым столом, на который накрывают белую скатерть и официант приносит бокал вина в качестве приветствия. Мягкий свет падает на вычищенные серебряные приборы, ложки, вилки, ножи. Как приятны на ощупь эти белые салфетки, как она гордится тем, что может развернуть их и вытереть их теплом свои руки.

-Да мне плевать, работа стоит! – продолжал кричать Мин Сок. – Цвет стен совсем не подходит экспонату Мэгуми Игараси⁶, это чудовищно!

-Если вы про сумку, то она будет стоять в центре зала, а не вдоль стены. Мы обговаривали размер постамента и освещение, его уже установили в зале номер 3.

-Это ужасно. Ужасно, ужасно, ужасно! Кто мог такое сотворить?

«Ты» - пронеслось в голове Лин. Она сделала вдох, свернула губы трубочкой и начала медленный выдох. Такси тронулось с места, подвинувшись на сантиметров пятьдесят.

-Не забудь почисть туалет в моей ванной комнате, - проговорил Мин Сок. На фоне его скользкого голоса слышались щелчки пальцами: он жестами раздавал указания сотрудникам. Из таких инструкций непосвященному зрителю было ничего не понятно, эти жестовые скрижали всегда переводила Лин. – О да, и выгуляй Туруми! Он скорее всего где-то напрудил, я не вывел его с утра на прогулку. Убери за ним!

Мин Сок бросил трубку. Ресторан, ресторан, день рождение в ресторане. Столик на двоих в «Д'Элите». Столик на двоих. День рождения. Лин выдохнула, пытаясь расслабиться. Сердце колотило в грудную клетку, как боксер в боксерскую грушу. Она все равно добьется своего.

Через пару часов Лин зашла в квартиру Мин Сока, где сначала на неё напал той-терьер, который сразу описался, а потом, вытерев за собакой, она надела синие латексные перчатки, чтобы убрать и за его хозяином. Когда она сидя из-за юбки-миди в неудобной позе русалки на холодном кафеле терла пену на ободке унитаза, на её телефон пришла смс. Через пять минут девушка смогла снять перчатки и прочитать:

⁶ Известная японская художница и дизайнерка, привлекающая в своих работах внимание к двойным стандартам японского общества.

«Вылетели из Шанхая. Пересадка в Сеуле два часа. Готовы передать тебе Венеру с накладными. Мама и папа».

Тряпка выпала из рук прямо в унитаз. Лин совсем забыла. А сегодня ещё надо записать Мин Сока к стоматологу, забрать его покупки из онлайн-магазинов, приготовить ему ужин, постирать его вещи, погладить, успеть уехать из квартиры до его появления, вернуться на работу и переделать все, что он успел там натворить. Ей не успеть.

Трясущимися руками девушка перехватила телефон и набрала номер. Гудок. Ещё гудок. Ещё гудок. Нет ответа. Она перезванивает.

-Ну же Майкл, возьми трубку, пожалуйста!

Она позвонила ещё несколько раз. В ответ слышала лишь гудки.

-Да твою мать! – вспыхнула она и принялась набирать сообщение. Вдруг парень просто не может ответить на звонок, но сможет прочесть смс, на работе ведь у него нередко проводятся совещания, на которых можно лишь украдкой взглянуть на телефон.

«Майкл, нужна твоя помощь! Срочно! В Инчхон прилетают родители, у них надо забрать экспонат для выставки, это очень важно для меня, помоги, пожалуйста!»

Другим сообщением она отправила номер рейса.

Следующие полчаса она провела сидя на собственных нервах: она боялась посмотреть на часы, чтобы узнать сколько времени, и пыталась выполнить все приказы, которые раздал Мин Сок на сегодня. Из-за тряски в руках, получалось плохо, всё валилось из рук. Когда отчаяние подошло к глазам в виде слез, телефон пикинул от пришедшего сообщения.

«ОК!» - ответил Майкл.

Лин осела на холодный пол, облегченно выдохнув.

Дальше все пошло спокойно. Даже тот факт, что на сегодняшний день Лин стала по сути рабыней, совсем перестал её волновать. В любом случае она получит то, что хочет.

К вечеру она вымоталась окончательно. Ноги не шли, каблуки сдавливали опухшие стопы, руки висели тряпками. Глаза закрывались. Она тащила себя до работы через силу. В голове витал туман и только свет, проникающий сквозь высокие окна галереи, задавал направление. На входе её встретила помощница по закупкам.

-Госпожа Лин, вам передали коробку.

Совсем забыла!

-Ох, спасибо большое! – произнесла Лин. Помощница посмотрела на неё с какой-то завистью, оглядела с головы до ног и чуть было не цокнула, только Лин успела поймать её взгляд. Девушка передала коробку, улыбнувшись.

Почему на некоторые улыбки неприятно смотреть? Потому что они похожи на маски из традиционных танцев, немного пугающие, чрезмерные, вычурные и деревянные. Улыбки, что только напоминают самих себя, могут скрывать за собой все, что угодно. Помощница вроде улыбнулась, как обычно, но вокруг её рта ходили невидимые мошки, щекоча ей кожу – легкие подергивания губ усиливали эффект застывшей маски, потому что вместе с дергающимися кончиками губ, незаметно дергалась вся конструкция. Такие маски бродили вокруг постоянно, а Лин старалась не замечать их фальшивости, потому что так нужно для работы. Для неё всю жизнь искусство кричало о том, что надо быть собой, но здесь если хочешь быть собой, сначала нужно пробиться через тех, кто хочет быть кем-то другим. В масках она все ещё не хочет разбираться. Куда приятнее бродить в своих иллюзиях, они в своем роде тоже искусство, тоже бунтарство. Вот только кто мог знать, что бывший сможет нагло скинуть её розовые очки с переносицы.

Вся линия размышлений пронеслась в её голове со скоростью света, не заняв и миллисекунды, оставшись лишь призрачным хвостом кометы в сознании. Поэтому Лин улыбнулась в ответ и сердечно поблагодарила девушку, будто это она встретила её родителей в аэропорту и доставила посылку в руки, спасая её планы.

Майкл – чудесный человек.

Коробку с маленькой статуэткой древней богини плодородия Лин поставила в нижний шкафчик своего стола – для неё ещё не настало время увидеть свет. Тем более нужны специальные условия, о которых ещё нужно поговорить с мамой. Кстати, они уже должны были приземлиться в Таиланде.

-Привет, мам, - проговорила Лин, устраиваясь на стуле. – Посылку получила, ещё не открывала, как ты и говорила.

-Привет, родная! - отозвался хриловатый женский голос на том конце провода. Плавающая интонация выдавала в матери наивысшую степень воодушевления. Такой её можно услышать только во время раскопок, когда удастся найти что-то ценное, или тогда, когда она перебирая документы вдруг наткнется на что-то интересное. Обычный её голос напоминал спокойное течение ручья, несущего тебя по сказочной долине на лепестке вишни, он убаюкивает, успокаивает, что не совсем подходит для профессора, чей предмет и так усыпляет. – Мы с папой рады помочь твоему делу!

Такое душевное тепло разлилось по груди девушки после этих слов. Лин прикрыла глаза, чтобы ещё раз прогнать у себя в голове эту строчку. Будто ей признались во взаимных чувствах. Хотелось бы слушать её в голове бесконечно долго, но мама решила иначе:

-Не ожидали, что приедет твой парень! –взвизгнула женщина. – Такой красавчик!

-А? – переспросила девушка.

Красавчик?

-И такой галантный, приятный молодой человек. Примчался к самому выходу в самолет, мы думали, что уже повезем статуэтку с собой, а он выпрыгнул из толпы, взъерошенный, запыхавшийся, но обрадованный тем, что успел. Айгу, он так спешил ради тебя!

Лин расплылась в улыбке. Ещё бы, Майкл не мог не понравиться родителям!

-Я рада, что вы познакомились, - ответила девушка. – Жаль, что так скомкано получилось.

-Ну ничего, - ответила мама. – В следующий раз, когда мы с твоим отцом будем в Корее, сходим куда-нибудь, пообедаем, да?

Вопрос предназначался отцу Лин. Девушка сразу представила, как спокойный, с лицом Будды мужчина в круглый очках кивнул головой. Только седые волосы выдают в её отце возраст, а так всегда создавалось ощущение, что он как статуя, которую мама откапала и оживила. Полсекунды молчания в трубке – Лин точно знала, что отец улыбнулся, посмотрев своей жене в глаза, а мама в ответ поправила ему ворот рубашки, не разрывая зрительный контакт. Вокруг них всегда витает весна.

Прощавшись, Лин повесила трубку, но почувствовала, что связь между ней и родителями не разорвалась: выдохнув и расслабившись в своем офисном кресле, она слышала, как где-то в её сердце щебечут птички голосами родителей, как в её детстве, когда они ворковали о чем-то своем на их особом языке, пока раскладывали тарелки с закусками на стол. Сама Лин, где-то там снизу смотрела на них и не могла оторвать взгляд от их словесного танца, настолько он был красив. Ещё пару минут они находились в одном пространстве, обмениваясь эмоциями. Мама будто спрашивала:

-Как тебе сегодняшний день, милая?

Лин отвечала:

-Удивительно!

Папа продолжал:

-Удивительно – это то, что сказал Джефффри Курзак, когда обнаружил керамику 4 века на стоянке племени аруми 6 века.

Лучи солнца падают на белую скатерть, прыгают с одной маленькой тарелочки на другую, пока не попадают на стакан с водой, откуда бегут сразу в глаза Лин, она зажмуривается, а в

воздухе все ещё искрится смех родителей. Идиллия, нарисованная на картине неизвестного импрессиониста. Поэтому он и остался неизвестным.

Пространственная линия связи разорвалась, когда хлопнула далекая входная дверь. На часах уже двенадцать ночи. Работы ещё так много. Совсем скоро открытие выставки, а ещё ближе день неофициального открытия, что для Лин и всего мира искусства более важное событие. Встреча за бокалом шампанского и дорогими закусками перед тем, как в главные залы зайдут художники, коллекционеры, меценаты. Шанс на выгодные знакомства, шанс продвинуться вперед ещё на процент, а может и на десяток сразу. Все должно быть идеально, её должны заметить. Даже несмотря на то, что она женщина. Хорошо, что получилось протолкнуть такую тему для выставки. Искусство может исправлять несправедливость.

Получается, если не уходить домой, она наконец вовремя появится на работе. Перед тем, как погрузиться во все изменения, что успел внести Мин Сок, Лин взяла телефон так, будто это самая важная вещь на свете. Она собиралась написать только одно слово, но хотелось это сделать так, чтобы человек на том конце ощутил всю полноту благодарности, которую испытывает девушка. Ей бы хотелось, чтобы прочитав это сообщение, Майкл почувствовал, насколько сильно она ему признательна за сегодняшний день. В надежде, что пространственная связь, работающая у неё с родителями сработает и на другого человека, к которому она испытывает чувства, девушка отправила смс с текстом: «Спасибо».

Бин сидел в столовой напротив своего обеда. Тубучиге, рис, кимчи, маринованная редька, говяжий стейк. Стейк с кровью, как просто кусок мяса без ничего, отличался от остальной пищевой группы. Полчаса назад все это привез доставщик, еда остывала, а парень даже пленку с неё не снял. Может нужно было заказать классику – нет ничего лучше чаджанмена. Правда, сегодня не 14 апреля⁷. Бин смотрел на еду не испытывая голода. Его не тянуло к еде и сформированная тюрьмой привычка есть по расписанию не сыграла свою роль. Он просто сидел и ждал, что еда сама накинется на него.

Такое потерянное состояние вызвал неожиданный визит инспектора по УДО пару дней назад. Он заставил Бина поубавить свой пыл.

-Опять промышленяешь чем-то, а, Хван Бин? – спросил его лысоватый низкий мужчина в серой ветровке. Его взгляд напоминал хищный прищур, но на морде хомяка. Он с подозрением смотрел на парня, открывшего ему дверь. – И тебя не учили одеваться?

Бин хмыкнул.

-Я же у себя дома, тут мои правила, - ответил он. – Если зайдете, вам тоже придется раздеться.

-Каков нахал, - возмутился мужчина. Кажется, за годы смотрителем в зоопарке преступников, он растерял всякое чувство юмора. Или просто чувства, кроме паранойи. – Я с тобой цацкаться не буду, фифа. Расклад такой: только я замечаю, что ты чихаешь в сторону незаконных делишек, я звоню кому следует, тебя закрывают, а заодно и отца твоего, понял? Если не понял, попробуй что-нибудь выкинуть. Что на тебя, что на твоего батю есть приличные... кхм... аргументы, пока что косвенные, но никто не помешает мне докопаться до них, будь уверен. Потому что ты наконец-то попал не в чьи-нибудь, а в мои, Пак Ши Муна, руки! Никто ещё не уходил от правосудия, все возвращались в тюрьму!

-Ой, как страшно, - сказал Бин, облачиваясь о дверной проем. – Если все возвращались в тюрьму, а не исправлялись, может дело в вас?

Мужчина насупил свой круглый нос. Вылитый крот. Не видит, что происходит у носа, но роется в том, что глубоко зарыто. Даже слишком глубоко. Как после этого прочитал Бин в досье на этого инспектора, он специально рыл туда, где люди хоронили свои прошлые ошибки.

⁷ День одиноких, в этот день люди, не имеющие пары, едят чаджанмен и это повод познакомиться.

Если они чуть оступались, то попадали в ловушку, в яму от своих старых преступлений, раскопанную этим ушлым дядькой. А с виду кажется безобидным. Многие его подопечные подавали на него в суд, жаловались, предоставляли свидетельства того, что они исправились, но их все равно снова сажали в тюремную клумбу, помирять на солнце без полива. Бин пошутил, но попал в точку. К тому же, у этого мужика какая-то нездоровая неприязнь к молодым парням.

Инспектор Пак ещё больше сощурил глаза, толи чтобы лучше видеть свою жертву, толи чтобы ещё вернее обозначить свои намерения. Он поправил длинные волосы, которые от горного ветра поднялись над его лысиной и которые на самом деле должны были её скрывать, и спросил:

-Зачем ты ездил в аэропорт два дня назад? Промышляешь контрабандой? Я думал, этим твой отец заведует.

Бровь Бина приподнялась.

-Мой отец ничем таким не занимается, - ответил он, повернув голову в сторону прекрасного вида на газон и голубое небо. Если пройти чуть ниже, то можно увидеть реку с высоты птичьего полета. Сейчас вода должно быть искрится солнечными бликами, жаль, что на пути к созерцанию прекрасного стоит этот маленький, сварливый человек.

-Ты мне зубы не заговаривай! – произнес он шепеляво.

-Как можно?..

-Дом твоего отца не просто так обыскивали и сейчас запрещают им пользоваться, пока идет расследование.

-О, а вы хорошо осведомлены, - заметил Бин. Слишком хорошо для простого инспектора по УДО, который обычно следит, чтобы всякие наркоманы не подсаживались обратно или не толкали дурь, а устроились на мало-мальски приличную работу. Подозрения заразные. – А вы завидуете богатствам моего отца? Вот всегда так, человек всю жизнь работал как проклятый, а сумев заработать деньги и начав исполнять свои желания, нажил себе врагов и завистников и вынужден ютиться в доме своего сына. Обидно за папу, знаете ли.

-Зачем ты ездил в аэропорт? – не унимался мужчина.

-Я не ездил в аэропорт! – повысил голос Бин. – Это мой младший брат ездил на своей машине.

-Хочешь сказать, Ламборджини Венено, с электрогидравлической, преселективной, 7-ступенчатой трансмиссией, мощностью двигателя в 750 лошадиных сил, с максимальной скоростью 335 км/ч, с двигателем V12, стоимостью в 3 с половиной миллиона евро, машина твоего младшего недоноска брата Хван Муна?

-Полегче, дядя, он может и недоносек, но мой брат. Зачем его обзывать так, ну родился он раньше срока, что с того-то?

-Никогда не поверю, что это его машина! Не ври мне!

-Нисколько! – заявил Бин. – Проверьте документы, это полностью его детка.

Инспектор Пак выгнул шею, подошел поближе к Бину, чтобы заглянуть ему прямо в глаза. Его несвежее дыхание ударило парня в нос.

-Ещё миллиметр ближе и я вас поцелую, - сообщил Бин.

Мужчина отступил.

-Она не может ему принадлежать!

-Я сам в шоке, - ответил Бин совершенно искренне. – Но это его машина и он категорически запрещает мне на неё даже смотреть, не то, чтобы кататься.

Инспектор бросил свой старый портфель прямо в ноги парня, сел и принялся в нем капаться.

-Ой, инспектор, давайте не на входе, нас могут увидеть, - произнес Бин. Даже не смотря на пробудившуюся осторожность, ситуация не могла заставить его держать свой язык за зубами.

-Поговори мне тут, - ответил мужчина. Он открыл желтую папку, пролистал больше для вида бумажки, закрыл папку и убрал её в сумку. Затем резко поднялся и отряхнулся. – Мы ещё встретимся, преступник. Так и знай.

-О, буду рад новой встречи, дорогой инспектор. После того, что между нами было, я уже не смогу вас забыть.

И он не забыл, вспоминал добрым словом каждый день, когда должен был вести себя осторожно, не вызывая подозрений. На легальных началах он мог быть только в двух обычных для себя местах, а вот направиться в клуб, где частенько видят Гын Пина, довольного и наслаждающегося жизнью, разбрасывающегося чьими-то деньгами, как своими, и повидаться с давним другом Бин не мог. Поручить работу кому-то из приближенных это дело можно, но хотел разобраться сам – только он мог выудить из него имя того, кому тот прислуживал на самом деле и ребята не замажутся об этого вшивого предателя. Из-за повышенного внимания со стороны инспектора, из-за ощущения слежки – парень никогда не думал, что когда-нибудь заболит паранойей – Бин не мог даже зайти в интернет, чтобы посмотреть на свое детище, что перешло в другие руки. Как сообщили его ребята, по сети активно гуляет ссылка на онлайн-казино до боли напоминающее их сервис. Даже девочек тех же взяли на роль крупье, будто и не поменялось ничего. Говорят, дизайн стал похабнее, в стиле жесткого ретро с его волнистыми шрифтами от Майкрософта в каменных текстурах, но людям нет разницы, где удовлетворять свои низменные потребности. Отследить бы «подрядчика».

Все эти мысли Бин адресовал куску мяса на тарелке. Кажется, он своим взглядом хотел либо разогреть его, либо изменить степень прожарки.

-Ты это будешь? – спросил Майкл, сидевший напротив.

Бин поднял на него голову.

-Давно тут сидишь? – спросил старший.

-Это ты меня вечно игнорируешь, - пробурчал младший.

Бин подвинул тарелку со стейком к брату.

-Разогрей только.

Майкл ушел к барной стойке, швырнул на неё телефон и закинул еду в микроволновку.

Бин наконец отвлекся от нескончаемого потока мыслей. От напряжения шею стянуло так, будто он не человек, а черепаха, втягивающая голову в панцирь. Это сравнение взбесило его. Один промах и вот он уже себя уничтожает как человека! Бездарность, отец бы нашел выход из ситуации. Или сказал бы, что время другое, стало намного сложнее.

Когда анализ происходящего отошел на второй план, на первый план вылезли другие звуки: гудение микроволновки, шаркающие шаги Майкла, его тяжелые вздохи, чавканье и невероятно раздражающий звук смс на его телефоне, пищавший, как аварийный сигнал и прерываемый только тогда, когда младший печатал ответ на сообщение, поэтому к звукам добавлялось ещё и интенсивное клацанье.

-Эй братишка, - обратился к младшему Бин, откинувшись на стуле, пока брат одной рукой набирал сообщение, а другой подносил насаженный на вилку стейк. – Может ты поможешь мне кое в чем? Небольшая услуга в оплату того, что ты помог упрятать меня в тюрьму, а? Что делаешь вечером?

-У меня нет времени на твою чепуху, - ответил Майкл. – Я очень занят, в отличие от тебя. И вечером у меня рабочий созвон. Отвянь.

Ему на телефон приходили все новые и новые сообщения, парень печатал как ненормальный. При этом так улыбался, будто там не телефон, а настоящий человек, которого он трогает.

-Что, подружка твоя пишет? – решил сменить тему Бин.

Просить одолжений, услуг или вообще о чем бы то ни было у младшего брата – с самого начала плохая идея. Майкл башковитый парень, но помощи от него не дождешься, он сам по себе. Ему удалось избежать участия семейного бизнеса только благодаря мамаше, которая

вымолила у отца «лучшей жизни для нашего сыночка». Как много раз она произносила словосочетание «наш сыночек». Как мантру или заклинание. Так вот этот сыночек и пальцем не пошевелит для семьи. Удивительно, но даже и для матери. Она для него просто сиська, благодаря которой он кормится. Да и вообще отношение Майкла к женщинам всегда было такое... аморфное. Или он от всех ожидает, что они будут его кормушкой и защитной стеной? Про свою девушку он тоже так думает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.